

ИСТОРИЯ ЛОГИКИ

ПОНЯТИЯ ТОПА И ПРЕДИКАБИЛИЙ И ИХ РОЛЬ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ РАССУЖДЕНИИ*

Я. А. Слинин

1

С понятием топа мы сталкиваемся, когда начинаем читать трактат Аристотеля «Толика». Однако понятие «топ» не является чисто аристотелевским. Что такое топ, знали и те античные логики, которые жили до Стагирита. Собственно говоря, трактат «Толика» представляет собой не что иное, как своеобразный специализированный сборник топов. Топы, помещенные в нем, связаны исключительно с обсуждением таких логических понятий, как «определение», «род», «собственное» и «привходящее». У Аристотеля эти понятия не имеют общего наименования, но позже, уже в Средние века, их стали называть предикабиями.

Прежде чем обратиться непосредственно к топам и предикабиям, рассмотрим, какие разновидности рассуждений выделял Аристотель. В первую очередь он отличал друг от друга доказательство и диалектическое умозаключение. В самом начале «Толики» мы читаем: «Доказательство имеется тогда, когда умозаключение строится из истинных и первых положений или из таких, знание о которых берет свое начало от тех или иных первых и истинных положений. Диалектическое же умозаключение — это то, которое строится из правдоподобных положений. Истинные и первые положения — те, которые достоверны не через другие положения, а через самих себя. Ибо о началах знания не нужно спрашивать “почему”, а каждое из этих начал само по себе должно быть достоверным. Правдоподобно то, что кажется правильным всем или большинству людей или мудрым — всем или большинству из них или самым известным и славным»¹. В трактате «Вторая аналитика» Аристотель пишет: «Под доказательством же я разумею научный силлогизм» (Вторая аналитика, I 2, 71 в 17). Он добавляет, что «доказывающее знание необходимо исходит из истинных, первых, непосредственных, более известных и предшествующих посылок» (Там же, I 2, 71 в 21–22).

* Исследование осуществлено при поддержке РФНФ, грант № 08-03-00552а

¹ Аристотель. Толика. I 1, 100 в 18–23 // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1978 (далее отсылки к произведениям Аристотеля, опубликованным в этом издании, даются в тексте).

© Я. А. Слинин, 2009

Выпуск 7

Видим, что Аристотель противопоставляет научный силлогизм, или доказательство, диалектическому умозаключению. При этом следует подчеркнуть, что отличаются они друг от друга не тем, как строятся, а тем, каков характер их посылок и заключений.

Формальную теорию построения силлогизмов, или умозаключений (в данном случае эти два слова означают одно и то же), Аристотель излагает в трактате «Первая аналитика». В нем он говорит о фигурах и модусах силлогизмов, о тех формальных особенностях, при помощи которых правильные модусы отличаются от неправильных. Стагирит настаивает на том, что законы построения правильных силлогизмов одни и те же как в случае научных, так и в случае диалектических и любых других силлогизмов.

Разница между научными и диалектическими умозаключениями состоит лишь в том, что посылки первых имеют достоверный характер, а посылки вторых — лишь правдоподобный, вероятностный. Соответственно и заключения научных силлогизмов достоверны, а заключения диалектических — лишь правдоподобны.

Возникает отдельный и очень важный вопрос о том, каким образом мы постигаем первоначала научных силлогизмов: ведь нельзя доказать все истины до одной. По необходимости должны существовать какие-то начала доказательств, которые постигаются не дедуктивным, а каким-то другим путем. Эти начала должны быть «истинными, первыми, непосредственными, более известными и предшествующими».

Согласно Аристотелю, начала доказательств усматриваются нами непосредственно. Усмотрение это осуществляется при помощи особого рода способности, присущей нашему сознанию, каковую Стагирит именует нусом. В конце «Второй аналитики» он пишет: «Так как из состояний мысли, которыми мы постигаем истину, одни всегда истинны, а другие допускают ошибки (например, мнение и рассуждение), наука же и нус всегда истинны; так как, далее, кроме нуса, нет другого рода познания, который превосходил бы науку точностью, начала же доказательства более известны, чем доказательства, а всякая наука опирается на доводы, то не может быть науки о началах; а так как только нус может быть истиннее, чем наука, то он будет иметь своим предметом начала; это видно также из того, что доказательство не может быть началом доказательства, а потому и наука не может быть началом науки. Таким образом, если помимо науки не имеем никакого другого истинного познания, то началом науки будет нус» (Там же, II 19, 100 в 6–15).

Видим, что, по Аристотелю, имеется два вида достоверного знания: доказательное и непосредственное усматриваемое. В приведенной цитате доказательное знание именуется наукой. Оно добывается при помощи применения силлогизмов к изначальным истинам, каковые являются результатом действия нуса.

Нус имеет своим предметом начала доказательств. Доказательства же представляют собой цепочки следующих друг за другом силлогизмов. Что касается силлогизмов, то они, как известно, характеризуются тем, что если они правильные, то когда их посылки истинны, из этих посылок всегда с необходимостью вытекают истинные заключения. В результате непосредственно усматриваемые нусом истины порождают множество истин доказательных. Таким образом создается корпус доказательного знания, иными словами — наука. И поскольку доказательное знание проистекает из непосредственно усмотренного, постольку началом науки является нус.

Непосредственно полученное знание и знание доказательное вместе составляют многообразие достоверного знания, которое характеризуется тем, что споры по поводу истин, в нем содержащихся, неуместны. Греческое слово «нус» переводится на русский язык словом «ум» или словом «разум». Разум же, согласно Аристотелю, у всех людей один и тот же. Один и тот же он в том смысле, что если какой-нибудь человек разумным путем постигнет какую-либо истину и сообщит ее другим людям, то все они, будучи существами разумными, с ней согласятся. Пифагор установил, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, и с этих пор все представители вида *homo sapiens* с данной истиной согласны и ее не оспаривают. Точно так же обстоит дело и со всеми другими истинами разума.

С такого рода истинами не спорят; тем из них, которые уже открыты, просто обучаются. В трактате Аристотеля «О софистических опровержениях» говорится о четырех разновидностях умозаключений, или доводов. Одна из этих разновидностей — доводы поучительные: «Поучительные заключают, исходя из собственных начал соответствующей науки, а не из мнений отвечающего (ведь тот, кто учится, должен доверяться)» (О софистических опровержениях, 2, 165 в 1–2). Поучительные доводы — это доказывающие доводы, или доказательства, но они не суть доказательства каких-то новых истин, а суть воспроизведения уже кем-то осуществленных доказательств с целью обучить этим последним кого-то еще.

Нус, однако, не всемогущ. Он достаточно силен в области дедуктивных наук, таких, как арифметика или геометрия, но эффективность его резко уменьшается, когда речь заходит о повседневных делах и событиях, связанных с индивидуальными вещами и отдельными людьми. Там, где нус действует плохо или совсем не действует, нам приходится не руководствоваться достоверным знанием (которого нет), а довольствоваться лишь теми или иными правдоподобными истинами. И тут вступают в свои права диалектические умозаключения, которые как раз с такими истинами и имеют дело.

Ясно, что геометрические и арифметические истины весьма важны и ценны. Но ясно и то, что жизнь людей протекает отнюдь не в царстве чистой математики. При решении насущных житейских задач нус — не очень хороший

помощник. Между тем именно такого рода задачи весьма часто настоятельно требуют безотлагательных решений. Нередко от того, насколько успешно будут решены подобного рода задачи, зависит жизнь и смерть как отдельных людей, так и отдельных человеческих сообществ. Трагизм ситуации заключается в том, что каким бы ни было решение задачи подобного рода, оно всегда будет выражено лишь в виде более или менее правдоподобного положения. Следовательно, никакой гарантии того, что принятое решение будет абсолютно верным, не существует: ведь опорой правдоподобных положений является не нус; ею служат мнения тех или иных людей, а мнения эти могут быть и ошибочными.

Если при решении жизненно важных задач мы вынуждены довольствоваться правдоподобными положениями, то постоянно сталкиваясь с обыденными, не столь важными, а иногда и совсем незначительными затруднениями, мы и подавно пользуемся положениями, которые кажутся нам хоть сколько-нибудь правдоподобными. Таким образом, с правдоподобными положениями мы в нашей жизни имеем дело гораздо чаще, чем с достоверными истинами. Соответственно и диалектические умозаключения играют в ней гораздо более заметную роль, чем научные силлогизмы.

Начала доказательств и те истины, которые из них следуют, бесспорны, но любое правдоподобное положение можно оспорить. Правдоподобные положения спорны, и по поводу очень многих из них, действительно, возникает много споров. Споры, дискуссии, полемика по самым различным поводам — это непреходящий феномен любого человеческого общества.

В античных полисах тоже было очень много споров и дискуссий. Спорили в народных собраниях, в судах, просто — на площадях, обсуждая как актуальные житейские, так и отвлеченные философские вопросы. Нередко спорили исключительно ради того, чтобы поспорить. Интерес состоял не в том, чтобы приблизиться к истине, а в том, чтобы во что бы то ни стало переспорить оппонента. В качестве дискутируемых выдвигались при этом и неправдоподобные положения, которые лишь кажутся таковыми несведущим людям. Наряду с научными и диалектическими Аристотель упоминает в «Топике» еще и об эристических умозаключениях: «Эристическое же умозаключение исходит из положений, которые кажутся правдоподобными, но на деле не таковы, или оно кажется исходящим из правдоподобных либо кажущихся правдоподобными положений. Ведь не все правдоподобно, что кажется таковым» (Топика, I 1, 100 в 23–26). В трактате «О софистических опровержениях» он характеризует эти умозаключения так: «Эристические — те, что заключают или кажутся заключающими от мнений, кажущихся правдоподобными, но не действительно правдоподобных» (О софистических опровержениях, 2, 16 в 7–8).

Интересно, что античные люди рассматривали спор как разновидность соревнования. Очень многие исследователи древнегреческой культуры го-

ворят о ее агональном, соревновательном характере. Древние греки очень любили всевозможные состязания. Состязания были распространены почти во всех сферах общественной жизни. Проводились соревнования музыкантов, поэтов, ораторов; были популярны конные ристания, спортивные игры. Что касается последних, то очень большое значение имели для древних греков знаменитые Олимпийские игры, проводившиеся раз в четыре года в течение многих столетий (с 776 г. до н. э. по 394 г. н. э.). Победители состязаний увенчивались лаврами, получали призы.

По образцу всех этих официальных соревнований устраивались и неофициальные состязания спорщиков. Победитель подобного рода состязаний тоже мог получить приз.

Для того чтобы иметь возможность победить в тех или иных соревнованиях, необходимо было как следует подготовиться. Не удивительно, что в Древней Греции существовало множество школ, в которых учили гимнастике, борьбе, кулачному бою, метанию копья и диска, езде на колесницах. Существовали и музыкальные школы, школы поэтического и ораторского мастерства. Разумеется, обучение было, как правило, платным.

Известны и школы, в которых преподавалось искусство вести дискуссии. В них обучали грамматике, диалектике, риторике. Для того чтобы побеждать в споре, особенно важно было хорошо знать диалектику. Нужно было хорошо знать все правила и особенности диалектических умозаключений. Нужно было быть осведомленным о всевозможных паралогизмах, т. е. ошибках в рассуждениях, и уметь избегать их. Для того чтобы победить в споре любой ценой не считалось зазорным применять такие уловки, которые провоцируют не очень сведущего в диалектике противника на то, чтобы он начал совершать в своих рассуждениях те или иные стандартные ошибки, в результате чего не смог бы отстоять свою правоту и был бы в конце концов переспорен. Умение подстраивать такие уловки считалось «высшим пилотажем» в искусстве спора, а сами они получили наименование софизмов (от греческого слова σοφία — мудрость).

Школы, где обучали диалектике и сопутствующим ей наукам, получили название софистических, а преподавателей этих школ стали именовать софистами — учителями мудрости. За обучение мудрости они, как и учителя гимнастики, музыки или управления колесницами, тоже взимали плату, и немалую.

Наиболее выдающиеся софисты были в то же время и знаменитыми философами; их имена широко известны. Например, мы хорошо осведомлены о таких софистах, как Протагор, Горий, Продик. О них много говорится в сочинениях Платона, Аристотеля и других античных авторов. Так, например, Диоген Лаэртский следующее говорит о Протагоре: «Он первый стал брать за уроки плату в сто мин; первый стал различать времена глагола и точно

выражать время действия; стал устраивать состязания в споре и придумал уловки для тяжущихся; о мысли он не заботился, спорил о словах, и повсеместное нынешнее племя спорщиков берет свое начало от него. <...> Он же первый ввел в употребление и сократический способ беседы; и первый применил в споре антисфеновский довод, по которому должно получаться, что противоречие невозможно (так сообщает Платон в «Ефтидеме»); и первый указал, как можно оспорить любое положение (это сообщает диалектик Артеמידор в «Ответе Хрисиппу»)»². Мы знаем, что как философ Протагор стал знаменит следующим своим утверждением: «Одно сочинение он начал так: «Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих»»³.

2

Перейдем теперь к понятиям топа и предикабилий. «Топ» (τόπος) — это греческое слово, означающее в переводе на русский язык «место». Причем это не только место на поверхности земли, но и место на теле, и место в книге, и т. п. В нашем случае топ — это место в споре, в дискуссии по поводу чего-то. Если сказать поточнее, то наш топ — это та или иная стандартная ситуация, которая может возникнуть в дискуссии о том или ином предмете. «Топика» Аристотеля — это собрание описаний такого рода ситуаций, возникающих при обсуждении свойств и особенностей предикабилий. При этом каждый топ представляет собой не только описание той или иной спорной ситуации, но и рекомендации относительно того, как должны действовать в этой ситуации участники спора. Предполагается, что в споре участвуют, по крайней мере, два человека, один из которых выдвигает какое-либо диалектическое (т. е. могущее быть оспоренным) положение, а другой старается это положение опровергнуть. Дискуссия состоит в том, что один из спорщиков — пропонент — защищает выдвинутое им положение, а другой спорщик — оппонент — опровергает его.

Обратимся к рассмотрению того, что представляет собой предмет всех дискуссий, описываемых в «Топике», т. е. того, что представляют собой предикабилии. Их четыре: определение, собственное, род и привходящее.

В первой книге «Топики» Аристотель пишет: «Но всякое положение и всякая проблема указывают или на собственное, или на род, или на привходящее, видовое же отличие, как относящееся к роду, нужно ставить вместе с родом. Так как одно собственное обозначает суть бытия вещи, а другое — не обозначает, то разделим собственное на обе только что указанные части, и пусть то собственное, которое обозначает суть бытия вещи, называется определени-

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 375–376.

³ Там же. С. 375.

ем, а прочее, согласно общему наименованию, данному им, пусть именуется "собственное". Таким образом, из сказанного ясно, почему, согласно только что сделанному различению, получается всего четыре вида сказываемого — или определение, или собственное, или род, или привходящее» (Тописка, I 4, 101 в 17–25). Здесь же Аристотель считает уместным разъяснить, в чем, по его мнению, заключается различие между положением и проблемой: «Пусть, однако, никто не подумает, что мы утверждаем, будто каждое из названного само по себе есть положение или проблема; мы лишь утверждаем, что из них получаются и проблемы, и положения. А различаются между собой проблема и положение способом выражения, а именно: если говорят: "Разве двуногое существо, живущее на суше, не есть определение человека?" или "Разве живое существо не есть род для человека?", то получается положение. Если же спрашивают: "Есть ли двуногое существо, живущее на суше, определение человека или нет?" или "Есть ли живое существо род для человека или нет?", то получается проблема. И равным образом в остальных случаях» (Там же, I 4, 101 в 26–34).

Стагирит продолжает: «А теперь следует сказать, что такое определение, что такое собственное, что такое род, что такое привходящее» (Там же, I 5, 101 в 38–39). Первым в списке стоит определение: «Определение есть речь, обозначающая суть бытия вещи» (Там же, 101 в 40). На поставленный выше вопрос «Разве двуногое существо, живущее на суше, не есть определение человека?» следует ответить: «Нет, не есть». Дело в том, что двуногость не является существенным признаком человека и не входит в суть его бытия. Правильным определением человека античные авторы считают следующее положение: «Человек есть разумное существо, живущее на суше». В отличие от двуногости разумность является существенным признаком человека и входит в суть его бытия. Помимо того, что исключительно существенные признаки вещи могут входить в состав ее определения, у него имеется еще одна характеристика: его части взаимозаменяемы. В самом деле, если истинно положение «Человек есть разумное существо, живущее на суше», то истинным будет и положение «Разумное существо, живущее на суше, есть человек». Это значит, что в любом тексте, в котором встречается слово «человек», можно, если понадобится, заменить его выражением «разумное существо, живущее на суше». Смысл и значение истинности текста от этой замены не станут другими. С таким же успехом выражение «разумное существо, живущее на суше» всюду может быть заменено словом «человек». Таким образом, левая и правая части определения взаимозаменяемы.

Взаимозаменяемость имеет место и у собственного, однако оно, как сказано выше, не обозначает сути бытия вещи; иначе говоря, собственный признак вещи не относится к числу ее существенных признаков. В «Тописке» читаем: «Собственное — это то, что хотя и не выражает сути бытия вещи, но что присуще только ей и взаимозаменяемо с ней. Например, собственное

для человека — это то, что он способен научиться читать и писать. В самом деле, если это существо — человек, то оно способно научиться читать и писать, и наоборот, если оно способно научиться читать и писать, оно человек» (Там же, I 5, 102 а 17–22).

Во времена Аристотеля грамотность не считалась чем-то существенным для человека: подавляющее большинство людей в древности было неграмотным, что не мешало тем, кто в это большинство входил, оставаться полноценными представителями человеческого рода. Однако способность читать и писать, тем не менее составляет отличительный признак человека: ведь ни собака, ни лошадь, ни даже обезьяна по природе своей научиться читать и писать не способны.

Аристотель продолжает: «Никто, конечно, не называет собственным то, что может быть присуще другому, например, спать для человека, даже если бы это некоторое время оказалось случайно присущим только ему. Если нечто подобное и называлось бы собственным, то говорилось бы о собственном не вообще, а для некоторого времени или по отношению к чему-то. Ведь находиться с правой стороны есть нечто собственное только на некоторое время, а быть двуногим можно назвать собственным лишь по отношению к чему-то, например, для человека — по отношению к лошади или собаке. А что ничто из того, что может быть присуще и другому, не взаимозаменяемо с вещью, — это ясно. Ведь тот, кто спит, не обязательно есть человек» (Там же, I 5, 102 а 23–30). Что касается рода, то Аристотель пишет о нем следующее: «Род есть то, что сказывается в сути о многих и различных по виду вещах. Выражение “сказываться в сути” пусть употребляется применительно к тому, что подходит для ответа на вопрос, чья именно есть обсуждаемое, как, например, о человеке, когда спрашивают, чья именно есть он, надлежит сказать, что он есть живое существо» (Там же, I 5, 102 а 31–35).

Род выражает суть бытия вещи, но выражает ее лишь частично, не полностью. Дело в том, что род относится к нескольким определенным видам вещей, к прочим же видам вещей — не относится. Ведь бывают вещи однородные, и бывают вещи неоднородные. У Аристотеля сказано: «Ибо если мы в беседе высказали мнение, что живое существо есть род для человека так же, как и для быка, то мы высказали мнение, что они принадлежат к одному и тому же роду. Если же мы укажем, что живое существо есть род для одного, а для другого нет, то мы выскажем мнение, что они принадлежат не к одному и тому же роду» (Там же, I 5, 102 а 38–102 в 3).

Из сказанного следует, что род и то, к чему он относится, не взаимозаменяемы. В самом деле, положение «Всякий человек есть живое существо» истинно, но положение «Всякое живое существо есть человек» истинным не будет, потому что живым существом является не только человек, но и бык, равно как им являются и лошадь, и собака, и петух, и множество других

видов. Поэтому слово «человек» нельзя заменить словами «живое существо», а слова «живое существо» — словом «человек» ни в каком тексте, не изменив смысла последнего.

Итак, род не взаимозаменяем с тем, к чему относится; он выражает суть бытия вещи, но выражает ее не полностью. Полностью суть бытия вещи может быть выражена тогда, когда к роду присоединяется видовое отличие. Такое присоединение как раз и осуществляется в определении. Мы уже цитировали слова Аристотеля: «видовое же отличие, как относящееся к роду, нужно ставить вместе с родом». Но если мы так поступим, то получим не что иное, как определение, «обозначающее», согласно Аристотелю, суть бытия вещи.

Нам осталось рассмотреть привходящее. Стагирит пишет: «Привходящее — это то, что хотя и не есть что-либо из перечисленного — ни определение, ни собственное, ни род, но присуще вещи, или то, что одному и тому же может быть присуще и не присуще, например быть сидящим может и быть и не быть присуще одному и тому же. Точно так же и бледность» (Там же, I 5, 102 в 4–9). Привходящее никак не относится к сути бытия вещи, которой оно присуще. В общем случае оно и не взаимозаменяемо с этой вещью. Мы уже цитировали замечание Аристотеля: «Ведь тот, кто спит, не обязательно есть человек».

При этом Стагирит отмечает, что «ничто не мешает, чтобы привходящее иногда и по отношению к чему-нибудь становилось собственным. Например, быть сидящим, будучи чем-то привходящим, станет собственным, если сидит лишь кто-то один. Если же сидит не один, то сидячее положение будет собственным по отношению к тем, кто не сидит. А потому ничто не мешает, чтобы по отношению к чему-нибудь и иногда привходящее становилось собственным. Однако вообще оно не будет собственным» (Там же, I 5, 102 в 21–27).

Подведем некоторые итоги. Выявились два независимых друг от друга свойства: причастность к сути бытия вещей и взаимозаменяемость. Каждая из предикабилей либо обладает такого рода свойством, либо не обладает им. Определение причастно к сути бытия вещей и взаимозаменяемо; род причастен к сути бытия вещей, но не взаимозаменяем; собственное не причастно к сути бытия вещей, но взаимозаменяемо; привходящее и не причастно к сути бытия вещей, и не взаимозаменяемо. Соотношения между аристотелевскими предикабилиями могут быть представлены в виде следующей схемы:

	Причастно к сути бытия вещей		
Взаимозаменяемо	Определение	Род	Не взаимозаменяемо
	Собственное	Привходящее	
	Не причастно к сути бытия вещей		

Налицо своеобразная «перекрестная классификация» предикабилей. Определение и род, согласно данной классификации, являются предикабиями, причастными к сути бытия вещей, а собственное и приводящее — предикабиями, не причастными к ней. С другой стороны, определение и собственное — предикабии, обладающие свойством взаимозаменяемости, а род и приводящее — предикабии, таким свойством не обладающие.

Перекрестная классификация аристотелевских предикабилей очень изящна на вид, но в ней есть один недостаток: она неоднородна в грамматическом отношении. Дело в том, что определение представляет собой речь, а остальные предикабии являются именами. Это обстоятельство не понравилось Порфирию, одному из основателей неоплатонизма, жившему несколько столетий спустя после Аристотеля. В трактате «Введение в “Категории” Аристотеля» он предложил свою систему предикабилей, кое в чем отличающуюся от аристотелевской. Аристотель, как мы знаем считал, что видовое отличие нужно ставить вместе с родом. Порфирий же отделил видовое отличие от рода, в результате чего у него получилось не четыре, а пять предикабилей. Порфирий убежден, что «необходимо знать, что такое род и что — различающий признак, что — вид, что — собственный признак и что — признак приводящий»⁴.

Вот предикабии Порфирия: род, вид, видовое отличие, собственное, приводящее. Три предикабии остались теми же, что и у Аристотеля, а вместо определения появились вид и видовое отличие. Симметричная схема аристотелевских предикабилей разрушилась, но зато все пять порфириевых предикабилей выражены именами.

Та и другая системы предикабилей имеют свои достоинства и свои недостатки. Порфириева система хороша тем, что в ней лучше просматриваются законы построения родовидовых иерархий. Пример такой иерархии Порфирий дает в своем трактате. В его честь она названа «Древом Порфирия»: «Субстанция и сама это — род, а под нею находится тело, под телом — одушевленное тело, под этим последним — живое существо, под живым существом — разумное существо, под ним — человек, а под человеком — Сократ, Платон и вообще отдельные люди. Но в этом ряду субстанция есть то, что является в наибольшей мере родом и выступает только как род, а человек — то, что является в наибольшей мере видом и выступает только как вид, тело же есть вид по отношению к субстанции, но род по отношению к телу одушевленному. В свою очередь, и одушевленное тело есть вид по отношению к телу, но род по отношению к живому существу (т. е. животному), и, в свою очередь, живое существо есть вид по отношению к одушевленному телу, но род по отношению к разумному существу, а разумное существо есть вид по

⁴ Аристотель. Категории. С приложением «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля. М., 1939. С. 53.

отношению к живому существу, но род по отношению к человеку, человек же есть вид по отношению к разумному существу, но уже не является также и родом по отношению к отдельным людям, а есть только вид и все, что непосредственно сказывается перед индивидуумами, может быть только видом, но уже не родом»⁵.

Порфирий вносит разнообразие в аристотелевское учение о собственном признаке: «Для собственного признака указывают четыре различных значения. Такое обозначение получает и то, что присуще только одному какому-нибудь виду, если и не во всем его объеме, как человеку — врачевать или заниматься геометрией; также — то, что присуще какому-нибудь виду во всем объеме, если и не ему одному, как человеку присуще быть двуногим; и также то, что присуще только одному виду, при этом — во всем его объеме и в известное время, как всякому человеку — в старости сесть. А четвертое значение — то, в котором соединились наличие в одном только виде, наличие во всем объеме этого вида и всегда, какова у человека наделенность смехом (способность смеяться) <...>; а это свойство всегда остается ему прирожденным, как и лошади — способность к ржанию. И в этом последнем случае считают, что здесь мы имеем собственный признак в основном смысле, — здесь осуществимо и обращение: если дана лошадь, то это — существо, способное ржать, и если дано существо, способное ржать, то это — лошадь»⁶.

И аристотелевское понятие привходящего Порфирий уточняет: «Привходящий признак — это тот, который появляется и пропадает без уничтожения своего обладателя (субстрата). О нем можно говорить в двух различных значениях: в одном — он допускает отделение, в другом — неотделим. Сон — это привходящий признак отделимый, а быть черным — этот признак привходит к ворону и к эфиопу неотделимо, но и ворона можно представить, что он — белый, и эфиопа — что он утратил свой цвет кожи, без уничтожения в том и другом случае субстрата»⁷.

3

Возвратимся, однако, к «Топике». Ее первая книга содержит общетеоретические соображения. Мы уже рассмотрели находящиеся в ней учение о предикабиллиях и разъяснение того, чем отличается положение от проблемы. В первой главе «Топики» говорится и о теоретических основах диалектического рассуждения.

Аристотель начинает с констатации того факта, что не каждое положение и не каждая проблема являются диалектическими. Он пишет: «Итак, прежде

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же. С. 65.

всего, пусть будет определено, что такое диалектическое положение и что такое диалектическая проблема. Ведь нельзя считать диалектическим ни любое положение, ни любую проблему. В данном деле ни один разумный человек не выдвинет в виде положения того, что никому не кажется правильным, и не выставит в виде проблемы того, что очевидно всем или большинству людей. Ведь последнее не вызвало бы никакого недоумения, а первого никто бы не утверждал. Диалектическое же положение есть вопрос, правдоподобный или для всех, или для большинства людей, или для мудрых — всех, либо большинства, либо самых известных из них, т. е. согласующийся с общепринятым. Ибо можно считать правдоподобным то, что полагают мудрые, если оно не противно мнению большинства людей. Диалектические положения — это также сходные с правдоподобными, и предлагаемые как противоречащие тем, которые противоположны считающимся правдоподобными, а также мнения, согласующиеся с приобретенными искусствами» (Тописка, I 10, 104 а 3–15).

Положения, об истинности которых свидетельствует нус, очевидны всем; о них не спорят. Не спорят и о тех положениях, о которых нус говорит нам, что они ложны. Диалектическими, т. е. теми, о которых имеет смысл вести диалог, являются только такие положения, относительно истинности или ложности которых наш нус от суждения воздерживается. Такие положения не опираются на свидетельства нуса и не есть истины в последней инстанции. Они опираются только на наши мнения и всего лишь правдоподобны. При этом у различных диалектических положений степень правдоподобия различна. Разновидности диалектических положений, у которых степень правдоподобия не одинакова, и перечисляет Аристотель в приведенной цитате.

Что касается тех вопросов, в отношении которых считают себя компетентными все члены того или иного общества, то в качестве отправной величины представляется естественным принять степень правдоподобия общепринятого мнения. Имеются ведь положения, признаваемые всеми. Впрочем, всеобщего и полного единомыслия добиться чаще всего бывает трудно. Тогда принимается то положение, в защиту которого высказывается большинство людей. Понятно, что степень правдоподобия тех положений, которые поддерживаются большинством, меньше, чем степень правдоподобия тех, с которыми согласились бы все.

Желая повысить степень правдоподобия тех или иных диалектических положений, можно перейти на другой, более высокий в качественном отношении уровень оценки их правдоподобия: можно обратиться к мудрецам и попросить их высказаться по обсуждаемому вопросу. Ведь известно, что мнение одного мудрого человека может быть гораздо ближе к правде, чем мнение толпы не столь мудрых людей. Если мудрецов несколько и если все они придерживаются одного и того же мнения по данному вопросу, то положение, которое они выдвигают, наиболее правдоподобно на данном уровне рас-

смотрения. Не столь правдоподобным будет положение, относительно которого мнения мудрецов расходятся, но которое все-таки поддерживается большинством из них.

Аристотель предлагает еще и третий уровень оценки правдоподобия диалектических положений. Ведь состав мудрецов может оказаться неоднородным: из их среды могут выделяться самые известные и славные. Вот к ним-то и следует обратиться. Самым правдоподобным будет, по Аристотелю, мнение таких «супермудрецов» при том условии, что оно совпадает с мнением большинства людей. Ясно, что такое условие не столь уж трудно соблюсти. Ведь люди по своей природе разумны: они способны понять, что мнение самых славных мудрецов и есть самое правдоподобное, после чего с этим мнением безоговорочно согласиться.

Аристотель упоминает о том, что диалектическими становятся и те положения, которые по своей форме сходны с правдоподобными, но степень правдоподобности которых должным образом еще не оценена. Понятно, что можно вести диалог и по поводу положений, отрицающих положения, противоположные правдоподобным.

Особняком стоят «мнения, согласующиеся с приобретенными искусствами». Очевидно, что тут имеются в виду мнения специалистов. Иначе говоря, здесь речь идет уже не о тех общих вопросах, в обсуждении которых считают себя в праве принять участие все, а о тонкостях разного рода искусств и ремесел, в которых разбираются только те, кто их основательно изучил, т. е. соответствующие специалисты. Именно к этим людям и следует обращаться, когда возникают вопросы, связанные с искусствами и ремеслами. При решении таких вопросов следует опираться не на общепринятые мнения и не на мнения мудрецов, а на мнения знатоков. В самом деле, когда у нас неладно со здоровьем, мы обращаемся к врачам; когда мы нуждаемся в жилище, помочь нам могут только архитекторы и строители. Когда мы на корабле пересекаем море, то у руля стоит не Питтак и не Солон, а рядовой, но опытный в своем деле мореход.

При этом надо подчеркнуть следующее. Согласно Аристотелю, положения, которыми руководствуются в своих делах специалисты в области тех или иных искусств и ремесел, — всего лишь диалектические, т. е. они не являются плодами действия нуса, а суть лишь мнения, составленные на основании многолетнего опыта, полученного людьми в процессе врачевания, строительства, кораблевождения и т. п. Мнения специалистов могут быть весьма и весьма правдоподобны, но все же они лишь правдоподобны и представляют собой положения, по поводу которых можно спорить.

Пока что у нас шла речь о том, что понимает Аристотель под диалектическими положениями. Что касается диалектических проблем, то о них он пишет следующее: «Диалектическая проблема есть задача, поставленная или

ради выбора и избегания, или ради достижения истины и ради познания, и притом или как нечто самостоятельное, или как нечто вспомогательное для какой-то другой такого рода проблемы. Проблема ставится или относительно того, о чем ни одна из сторон не имеет определенного мнения, или относительно того, о чем мудрые имеют мнение, противное мнению большинства людей, или относительно того, о чем расходятся мнения внутри каждой стороны» (Там же, I 11, 104 в 1–6).

Закончив обсуждение того, чем являются диалектические положения и диалектические проблемы, Аристотель в первой книге «Топики» набрасывает общую теорию диалектического рассуждения. Он говорит о средствах построения диалектических умозаключений: «Средств же, при помощи которых мы строим умозаключения, имеется четыре: первое — это принятие положений; второе — умение разбирать, в скольких значениях употребляется каждое имя; третье — нахождение различий, а четвертое — рассмотрение сходства» (Там же, I 13, 105 а 23–25).

Вначале Аристотель останавливается на первом средстве построения диалектических умозаключений. Положения, о принятии которых тут идет речь, можно разделить на два класса. К первому из них относятся те диалектические положения, которые в каком-то споре служат предметом обсуждения. Как уже говорилось, топы у Аристотеля строятся так, что в каждом из них предусматривается участие двух персонажей: вопрошающего и отвечающего, каковые обсуждают некоторое положение с целью выяснить, следует ли его принять как в достаточной степени правдоподобное, или же лучше отвергнуть как неправдоподобное. Отвечающий выступает в роли защитника обсуждаемого положения, в роли его проponenta, а вопрошающий выступает в роли оппонента обсуждаемого положения. Можно сказать, что вдвоем они заняты решением соответствующей диалектической проблемы: отвечающий настаивает на ее положительном решении, вопрошающий же — на отрицательном.

Прежде чем начать дискуссию, вопрошающий и отвечающий должны договориться, о чем они собираются спорить. Они должны убедиться, что говорят об одном и том же предмете, что обсуждают именно данное положение, а не какое-то другое. В противном случае неизбежны бесконечные пустые, чисто вербальные словопрения.

К другому классу принимаемых вопрошающим и отвечающим положений относятся те аргументы, при помощи которых каждый из них намерен отстаивать свою точку зрения. Вопрошающий и отвечающий должны установить, какие из уже известных положений оба они считают достаточно правдоподобными для того, чтобы в данной дискуссии их можно было принять в качестве оснований, на которые будут опираться умозаключения и того, и другого участника диалога. Ясно, что если вопрошающий и отвечающий совершенно ни в чем не согласны друг с другом, то спор невозможен, и обсуждаемый тезис

не может быть ни доказан, ни опровергнут. Поэтому участники дискуссии первым делом должны выяснить, в чем они друг с другом согласны; они должны принять ряд положений, подходящих для того и для другого в качестве аргументов в их споре.

Допустим, отвечающий сообщил вопрошающему те положения, на которые он намерен опираться в дискуссии. С одними из них вопрошающий соглашается сразу, с другими же согласиться не склонен. Тогда может потребоваться ряд предварительных обсуждений, в которых отвечающий будет пытаться доказать вопрошающему, что все его аргументы добротны. В трактате «О софистических опровержениях» Аристотель описывает особую разновидность доводов, которые называет «испытующими»: «Испытующие — те, что заключают от положений, которые отвечающий считает правильными» (О софистических опровержениях. 2, 165 в 4–5). «Испытание» аргументов, выдвигаемых отвечающим, заканчивается тем, что часть из них вопрошающий все-таки отвергает, но другую часть принимает. Таким образом, создается общая теоретическая база, достаточная для проведения дискуссии.

Аристотель дает подробные рекомендации относительно того, какого рода положения следует использовать в диалектических рассуждениях. Он пишет: «Итак, положения следует выбирать столькими способами, сколько было установлено нами различий между диалектическими положениями, а именно следует приводить или мнения всех, или большинства людей, или мнения мудрых — всех, либо большинства, либо самых известных из них, а также мнения, не противные кажущимся правдоподобными, а также мнения, согласующиеся с искусствами. Следует также выставлять в виде положений мнения, противоречащие мнениям, которые противоположны кажущимся правдоподобными, как было сказано раньше. Полезно также составлять положения, выбирая не только выражающие правдоподобие, но и сходные с ними <...>. Далее, все то, что бывает во всех или в большинстве случаев, следует брать в качестве начала и в качестве тезиса, кажущегося правильным. Ибо оно допускается теми, кто сразу не замечает, что в каком-то случае дело обстоит не так. Следует также выбирать положения из сочинений, а записи следует делать о каждом роде отдельно, например о благе или о живом существе, притом о всяком благе, начиная с того, что оно есть. Следует также помечать рядом мнения отдельных философов, например то, что говорил Эмпедокл: что существует четыре элемента тел, ведь можно выставлять в качестве тезиса высказывания известных философов» (Тописка, I 14, 105 а 34–105 в 18).

Текст первой книги «Топки» позволяет нам узнать и то, о чем, как правило, спорили древние греки, что их больше всего интересовало: «Чтобы изложить в общих чертах, укажем, что имеется три вида положений и проблем, а именно: одни положения, касающиеся нравственности, другие — приро-

ды, третьи — построенные на рассуждении. Касающиеся нравственности — такие, как например, следует ли повиноваться больше родителям или законам, если они не согласуются друг с другом. Построенные на рассуждении — такие, как например, изучает ли одна и та же наука противоположности или нет, а касающиеся природы — такие, как например, вечен ли мир или нет. Точно так же и проблемы делятся на три вида» (Там же, I 14, 105 в 19–25).

Топы, помещенные Аристотелем на страницы «Топики», имеют дело с положениями и проблемами, «построенными на рассуждении». Ведь в ней обсуждаются вопросы, связанные с такими чисто абстрактными вещами, как предикабилии. В первой книге этого трактата говорится о том, что предикабилии собой представляют, и излагается общая теория построения диалектических рассуждений. Его вторая и третья книги содержат топы, касающиеся приводящего; в четвертой книге содержатся топы, касающиеся рода; в пятой книге помещены топы, связанные с собственным; топам, относящимся к определению, посвящены шестая и седьмая книги «Топики». Восьмая, заключительная, книга трактата — сборная. В ней, в частности, говорится о том, как и в каком порядке следует применять те или иные топы в рассуждениях.

Нам нужно рассмотреть еще три средства для построения диалектических умозаключений: второе, третье и четвертое.

Второе средство для построения умозаключений связано с многозначностью слов. Ясно, что диалог может иметь смысл только в том случае, когда вопрошающий употребляет слова, используемые в дискуссии, в том же самом смысле, в каком употребляет их и отвечающий. Аристотель пишет: «Исследовать многозначность полезно для ясности (ибо то, что утверждают, знают лучше, когда выявляют многозначность слов) и для построения умозаключений, касающихся самого предмета, а не его названия. Ибо если неизвестно, в скольких значениях говорится о чем-то, то возможно, что тот, кто отвечает, и тот, кто спрашивает, имеют в виду не одно и то же. Когда же выявлено, в скольких значениях говорится о чем-то, и смысл, который приписывается утверждению, то вопрошающий покажется смешным, если он приводит доводы не против данного смысла. Но выявление многозначности полезно и для того, чтобы не дать себя ввести в заблуждение и чтобы ввести в заблуждение собеседника. Ибо когда мы знаем, в скольких значениях говорится о чем-то, мы никак не дадим себя обмануть, а будем узнавать, против того же ли самого направлены доводы вопрошающего. Когда же мы сами ставим вопросы, мы в состоянии будем ввести в заблуждение отвечающего, если он как раз не знает, во скольких значениях говорится о предмете спора» (Там же, I 18, 108 а 18–32).

Третье средство для построения умозаключений — это нахождение различий: «Должны быть исследованы и различия между вещами, принадлежащими к одному и тому же роду. Например, чем отличается справедливость от

мужества и рассудительность — от умеренности (ведь все они принадлежат к одному и тому же роду). И точно так же должно исследовать различия между вещами, принадлежащими к родам, расстояние между которыми не очень велико, например, чем отличается чувственное восприятие от знания. Ведь у родов, расстояние между которыми велико, различия совершенно очевидны» (Там же, I 16, 108 а 1–6). И вот в каких случаях, согласно Аристотелю, может быть использовано это средство при построении умозаключений: «Нахождение же различий полезно для построения умозаключений о тождественном и различном, а также для познания сути каждой вещи» (Там же, I 18, 108 а 38–40).

И, наконец, четвертое средство для построения умозаключений, состоящее в нахождении сходства в вещах: «Сходство же следует выявлять в принадлежащем к разным родам таким образом: как одно относится к одному, так и другое к другому, например, как познание относится к познаваемому, так и чувственное восприятие — к чувственно-воспринимаемому. И как одно находится в чем-то одном, так и другое находится в чем-то другом. Например, как зрение находится в глазу, так и ум — в душе, и как спокойствие — на море, так и безветрие — в воздухе. Упражняться в этом следует больше всего, рассматривая то, что принадлежит к родам, расстояние между которыми велико, ибо тогда в остальных случаях нам легче будет находить сходное. Следует также рассматривать вещи, принадлежащие к одному и тому же роду, не присуще ли им всем нечто одно и то же, например, человеку, лошади и собаке. Ибо поскольку им присуще нечто одно и то же, постольку они сходны между собой» (Там же, I 17, 108 а 7–17). Применять четвертое средство можно в следующих случаях: «Рассмотрение же сходства вещей полезно для доводов, основанных на наведении, а также для умозаключений из предположений и для построения определений» (Там же, I 18, 108 в 6–9).

Теперь есть смысл познакомиться с аристотелевскими топами на конкретных примерах. Возьмем следующие выбранные на удачу образцы. Сначала возьмем топ, касающийся привходящего: «Итак, один топ состоит в рассмотрении того, не выдали ли за привходящее то, что присуще каким-то другим образом. Больше всего делают эту ошибку в отношении рода, например, если кто-то говорит, что белому случается быть цветом. Ведь цвет не привходящее для белого; цвет есть его род. Стало быть и тот, кто выставляет тезис, может по способу выражения дать определение рода как привходящее, например, что справедливости случается быть добродетелью. Но часто и тогда, когда не дают такого определения, совершенно ясно, что род указан как привходящее, например, если сказали, что белизна окрашена или что хождение движется. Дело в том, что сказываемое о виде никогда не обозначается словами, производными от рода, а все роды сказываются о своих видах соименно. Ибо виды принимают и имя рода, и понятие его» (Там же, II 2, 109 а 34–109 в 7).

А вот топ, касающийся собственного: «Далее, при опровержении следует смотреть, не обстоит ли дело так, что желающий указать присущее по природе придает выражению такой оборот, что оно обозначает всегда присущее. В этом случае то, что положено как собственное, может быть, по-видимому, поколеблено. Так как, например, тот, кто сказал, что собственное для человека — это то, что он двуногое, хочет, правда, указать это как присущее по природе, но этим выражением обозначает всегда присущее, то “двуногое” не будет собственным для человека, ибо не у всякого человека две ноги. Так вот, при обосновании следует смотреть, чтобы, когда хотят указать как собственное, присущее по природе, обозначили его соответствующим выражением, ибо в этом отношении собственное не будет поколеблено. Так как, например, тот, кто указывает, что собственное для человека — это то, что он живое существо, способное овладевать знаниями, не только хочет обозначать, но и действительно обозначает этим выражением присущее по природе, то в этом отношении нельзя поколебать собственное, утверждая, будто “живое существо, способное овладевать знаниями”, не есть собственное для человека» (Там же, V 5, 134 а 5–18).

И в заключение — еще один топ. Он касается определения: «Итак, первый топ, касающийся неясности, применим, когда указанное определение содержит одноименное, например, когда говорят, что становление есть путь к сущности или что здоровье есть правильное соотношение теплого и холодного, ибо «путь» и «соотношение» одноименны. В самом деле, не ясно, какое значение этих многозначных речений имеется в виду. Точно так же — если не различают многозначное определяемое, ибо не ясно, для какого из значений дано определение. Здесь можно строить каверзы, утверждая, что речь соответствует не всему тому, определение чего дано. Такой способ особенно применим, когда одноименность скрыта. Можно и самому делать умозаключение, уточняя, в скольких значениях говорится то, что дано в определении. Ведь если определение ни в каком смысле не указано удовлетворительно, то ясно, что и не в том определенном смысле, который имеется в виду» (Там же, VI 2, 139 в 18–32).